

Виртуальные страты в условиях традиционализирующейся модернизации

Адаптация к новым условиям жизни в современном обществе ставит россиян перед необходимостью переопределения своего места в нем. Данная работа посвящена анализу системы социальной стратификации в России в условиях взаимодействия модернистского (открытого) и традиционалистского (закрытого) обществ. Целью ее является определить возможность возникновения в России системы (или совокупности систем) стратификации, способной интегрировать российское общество на основе признания населением как модернистских, так и традиционалистских ценностей.

Модернизация «по-русски»

Проблема модернизации в последние годы в российских гуманитарных науках обсуждается активно, ее называют «неорганической», «догоняющей» или «рецидивирующей» и т. д. Из всего широчайшего многообразия проблем, связанных с модернизацией, здесь рассматривается лишь относительно узкий их круг, охватывающий вопросы нового социального расслоения. Модернизация, будь она органической или «запаздывающей», не есть поступательный, равномерный процесс, планомерно интегрирующий различные социальные группы и слои вокруг единой цели. Как и любой исторический процесс, она органически содержит в себе возвратные тенденции. Чем дальше продвигается модернизация, тем в большей степени накапливается энергия возврата.

Взаимодействие традиционализма и модернизма представляет собой классический пример диалектики единства и борьбы противоположностей.

К Новому времени традиционалистское общество достигло количественного предела своего развития, что привело к появлению нового качественного образования — модернистской культуры, отрицающей традиционализм. На данный момент цивилизация находится на этапе отрицания: традиционализм включает в себя модернистскую культуру в «снятом» виде.

Если в странах первого эшелона (Англия, Франция, США) модернизация представляет собой формирование современного общества на основе отрицания общества традиционалистского, то «догоняющая» модернизация — это *пересечение параллельных миров модернизма и традиционализма*. Такое пересечение неизбежно дает непредсказуемые флуктуации, но в самом общем плане оно осуществляется либо как модернистский традиционализм, либо как традиционалистский модернизм.

Спиральное развитие характерно не только для взаимодействия традиционализма и модернизма как целостностей. Оно проявляется и во внутреннем развитии модерна (то есть в модернизации). Этапы модернизации сменяются традиционалистскими отступлениями. Но несмотря на эти отступления каждый последующий этап модернизации начинается в более благоприятных условиях. Полный возврат к традиционализму невозможен.

Диалектика является не единственным методологическим принципом, описывающим взаимодействие традиционализма и модернизма. Вполне возможно, что рассматриваемые сущности не имеют необходимой внутренней повторяющейся связи. Их взаимосвязь случайна и обусловлена лишь пространственной и временной близостью.

Результат пересечения параллельных миров традиционализма и модернизма заранее неизвестен. Так, европейский исторический опыт подтверждает диалектическую логику развития, а российский — принцип случайного пересечения параллельных миров.

Не вдаваясь в дискуссию о терминах, констатируем, что, во-первых, на данный момент в России происходит очередной виток модернизации, во-вторых, что длительная многовековая модернизация раскалывает общество на две части. Идеи модернизма по-прежнему не могут консолидировать российское общество. Этот процесс сопровождается потерей интегрирующих ценностных ориентиров, что выражается, например, в отсутствии общенациональной идеи. Длительная модернизация фактически привела к сосуществованию в России двух обществ: модернистского и традиционалистского.

В настоящей статье понятие «общество» будет использоваться в двух смыслах:

- как идеальные типы — совокупность сконструированных черт, когда речь будет идти о традиционализме и модернизме;
- как исторически сложившаяся национально-государственная организованность, когда речь будет идти о российском обществе.

Концепты современного общества — «гражданское», «открытое», «массовое», «потребительское» и др. — не совпадают друг с другом, но все они в той или иной степени описывают модернистское общество, конкретизируя его черты, и не противоречат друг другу принципиально.

Где я?

При рассмотрении вопросов, связанных с виртуальной стратификацией, важно, что *современное* (модернистское) общество возникает на индустриальной основе при наличии рыночной экономики и правового государства. В нем индивид принимает личное решение и стремится подняться по социальной лестнице¹.

В *традиционном* (закрытом) обществе индивиду нет необходимости делать осознанный выбор, ибо он живет так, как жили деды и прадеды. В традиционном обществе индивида нет. Есть община (коллектив), обеспечивающая не просто абстрактную, но физически осязаемую связь ее членов. Интеграция общин в общество осуществляется государством, поэтому державность является одной из существенных черт традиционной культуры.

Существование двух отличных друг от друга обществ предполагает и наличие специфических систем социальной стратификации, так как именно они обеспечивают социальную интеграцию внутри обществ. Посредством легитимации определенного положения иерархизированных слоев и механизмов восходящей и нисходящей мобильности каждая система позволяет индивиду ориентироваться в окружающем его социальном пространстве, гарантирует ему сохранность или прогнозируемость изменения общественного положения, определяет права, обязанности и общепризнанные возможности повышения (понижения) статуса.

Наличие двух обществ с присущими им системами стратификации ставит общественные науки перед необходимостью изучать структурное единство российского общества как исторически сложившуюся и складывающуюся национально-государственную организованность.

Для анализа этого процесса в данной статье используется концепция, предложенная Л.Е. Бляхером². Согласно ей, на начальном этапе своего возникновения система стратификации, консолидирующая российское общество, носит виртуальный (воображаемый, искусственно созданный) характер.

Поясним это. Столкновение традиционализма и модернизма разрушает мир повседневности. В этих условиях общество не может предложить индивиду четкую иерархию статусов. Происходит сбой в его системе соотношений, выражающийся в актуализации новых оценочных операций³. Это приводит к разрастанию такого явления, как относительная депривация (последняя возникает, когда потребности индивида растут быстрее, чем возможности их удовлетворять). «Перемены в ценностной сфере, — справедливо отмечает в этой связи Л.Д.Гудков, — в постсоветском обществе не связаны с переменами институциональных рамок повседневной жизни. Притягательность нового для многих групп уже есть, а нормативно определенных и организационно обеспеченных и подтвержденных правил достижения его, реализации желаемого, систематически дисциплинирующих индивидуальное поведение, — нет»⁴.

Не найдя среди существующих статусов своего места, индивид на основе самоидентификации в процессе коммуникации создает особый статус. Если ему удастся найти единомышленников, «своих людей», то в этом случае возникает устойчивый социальный статус. Если нет, индивид отвечает себе на вопрос, кем же он *не* является. В таких условиях наиболее действенным способом иденти-

фикации является метод от противного, поэтому виртуальные страты, как правило, носят негативный характер.

Иными словами, потребность точнее определить свое место в обществе заставляет индивида создавать «*виртуальную*» (воображаемую) страту, идентификация с которой освобождает его от дискомфорта, возникающего в случае затяжных и безуспешных поисков «своего человека».

Эта виртуальная стратификация позволяет индивиду достроить разрушаемую «Я-концепцию» и «Лицо»⁵, безболезненно соединять несоединимое (социально позитивная эклектика) за счет многократного создания и разрушения виртуальных страт, способствующих установлению как вертикальных, так и горизонтальных связей.

Ввиду сильного воздействия субъективного фактора виртуальная стратификация на первых порах не может носить системный характер.

Подытожим наши исходные предпосылки:

- во-первых, взаимодействие традиционалистского и модернистского обществ (а следовательно, и систем стратификации) приводит к росту неадекватных реакций в процессе коммуникации и к потере ориентиров при определении иерархии социальных статусов;

- во-вторых, разрушение обыденных правил, потеря ориентиров выражаются в уже упомянутой относительной депривации, которая оказывает непосредственное влияние на социальную стратификацию российского общества;

- в-третьих, «новый порядок» организуется вокруг тенденции *традиционализации модернизации* как варианта включения *возвратных* тенденций в процесс модернизации;

- в-четвертых, относительная депривация стимулирует виртуальную стратификацию, в рамках которой и возникают новые социальные идентичности;

- в-пятых, новые идентификации носят преимущественно негативный и противоречивый характер в связи с тем, что они представляют собой первоначальный этап возникновения системы стратификации.

«Чистые» критерии стратификации

Принципиальные различия традиционалистского и модернистского типов общественного устройства налагают отпечаток и на принципы организации соответствующих им стратификационных систем.

Модернистская система стратификации инкорпорирует традиционализм, хотя и приписывает ему низшие позиции. А традиционалистская система стратификации отторгает модернизм. Это вполне естественно, так как модерн появился позже традиционализма и предшествующая ступень не может вобрать в себя последующую, но последующая предыдущую — может. В модернистской

системе стратификации индивид видит себя в обществе, а в традиционалистской он видит себя в референтном пространстве.

При всем различии двух стратификационных систем между ними есть и сходство, которое заключается в общепризнанности богатства, власти и престижа в качестве критериев социального расслоения. И все же здесь для нас более существенны различия.

В чем они заключаются?

Первое. В системе стратификации современного общества большее богатство и большая власть автоматически ведут к более высокому социальному статусу. В системе стратификации традиционного общества значительную роль играет *моральная оценка*, на основе которой достигнутые индивидом уровень богатства и власти могут быть и не признаны обществом. В таком обществе деньги и власть должны быть заработаны и заслужены «честным путем». Более того, моральные качества человека (Вера в Бога в Средние века или Служение Государству в СССР) являются главным критерием социального положения. Материальный компонент статуса играет второстепенную роль (хотя при этом идеологически обусловленное непризнание значения богатства и власти приводит к формированию двойной морали, так как стремление к власти и богатству непременно прорывается сквозь идеологическую завесу Веры в Бога или в Вождя).

Моральная оценка влияет на критерии стратификации и приводит к тому, что более высокий по объективным характеристикам статус может считаться рядоположенным с другими или даже более низким.

И второе отличие. Наиболее характерным признаком традиционного общества является наличие замкнутых *гемайншафтов*. Замкнутость общин ведет к тому, что в традиционалистской системе стратификации существует точка отсчета — рядовой член общины, или, иными словами, «простой человек». В классических средневековых традиционных обществах это крестьянин и ремесленник. В традиционных обществах на индустриальной основе — промышленный рабочий. (Достаточно напомнить, что российские «крестьяне» как социальное сословие, произошли от «христиан» — сторонников определенного вероисповедания, равных перед Богом независимо от их социального положения).

Остальные статусы строятся относительно данной фигуры — «простого человека». При этом социальные дистанции между ними крайне незначительны, так как в систему стратификации входят только те позиции, которые непосредственно наблюдаются в рамках гемайншафта. В оценке же «дальних» статусов в силу вступает противопоставительная установка «мы — они», в рамках которой чужаки находятся вне нашего мира, а следовательно, вообще НЕ существуют. Так, материально обеспеченные люди могут занимать высокое общественное положение, но только в том случае, если они сохраняют генетическую

Виртуальные страты...

связь с другими членами общины Все остальные социальные субъекты расположены ВНЕ.

Таким образом, во-первых, в системе стратификации традиционного общества нет соразмерности социальных дистанций между статусами. Во-вторых, вертикальная структура традиционного общества напоминает ленту Мебиуса. Верхи переходят в низы, а низы — в верхи.

Процесс конструирования статусов

В России конца 1990-х гг. происходит размывание систем стратификации, присущих как традиционному, так и современному' типам обществ. Новое расслоение происходит на основе «скользящих» критериев" при самоидентификации индивида с определенным социальным слоем значимость того или иного критерия отнесения меняется от слоя к слою. И так вплоть до того, что выделение низшего, среднего и высшего слоев производится на отличных друг от друга основаниях. «Набор факторов, стоящих за отнесением себя к определенному социальному слою, — справедливо отмечает в этой связи Л.Г.Громова, — может варьировать от слоя к слою; эта разница сказывается не только в том, что меняется соотношение факторов, влияющих на выбор респондента, но и в том, что за каждым таким выбором стоят качественно разные факторы: например, для одного слоя это будет профессиональная принадлежность, для другого — культурные характеристики и т. п.»⁶.

Социокультурный компонент лишает критерии стратификации иерархичности' из самого критерия еще не следует «высота» общественного положения. В этом состоит ее сходство с иерархией, характерной для традиционалистского мира (*гемайншафта*).

В условиях модернизации потребность в (ре)конструировании социального статуса и в ориентации в социальном пространстве заставляет индивида не просто искать уже готовый статус, но и самостоятельно его создавать, договариваясь с окружающими о признании своего права на данное место в обществе, хотя при этом не всегда изобретается нечто совершенно новое. Как правило, используются элементы уже существующих статусных позиций, соединенные особым способом.

Индивид ищет Другого, основываясь на своей системе ценностей (в данном случае не имеет значения, в какой степени эта система произведена самим индивидом), для которой характерно определенное ранжирование этих ценностей, признание общих точек отсчета.

В данной работе мы концентрируемся на таких точках отсчета, как традиционализм и модернизм, поскольку именно они формируют изначальную внутригрупповую солидарность и межгрупповую конфронтацию.

Однако отнесение индивидом самого себя к модернистам или традиционалистам еще не выстраивает иерархии. Сравнение себя с себе подобными позволяет снизить уровень относительной депривации. Человек видит себя в *зелельтшафте* (где социальные дистанции между крайними статусами велики) через геймайншафт (обладающий некоторой социальной однородностью).

Контуры виртуальных страт

У нас была возможность проследить за описываемым процессом, основываясь на результатах ряда эмпирических исследований, в которых использовались специальные шкалы. Эмпирическую базу исследования составили опросы ВЦИОМ и сектора социологического мониторинга администрации Пермской области, который проводит опросы по четырехступенчатой стратифицированной областной выборке, репрезентативной по полу, возрасту, образованию респондента и типу поселения (соотношение городского и сельского населения), объем выборки — 1500 респондентов.

При проведении массовых опросов представители элиты, как правило, редко попадают в выборку, поэтому, оценивая современное общество, мы их не коснемся.

Представления населения о *стратах* фиксировались шкалой, измеряющей социальное положение в баллах от 1 до 10. Данная шкала используется наряду со шкалой «с названиями» («низший», «средний», «высший» классы). Методисты отмечают несовпадение самоидентификаций респондентов по шкале «с названиями» и по десятибалльной шкале: представления о «высоком» и «низком» социальном положении, отражаемые десятибалльной шкалой, расходятся с видением респондентами своего места в системе социальных слоев.

Опросы, проводимые ВЦИОМ, показывают, что россияне в принципе приняли систему стратификации современного общества, описываемую в категориях «нижнее — высшее». В этом можно убедиться, сравнив данные двух опросов, в которых варианты статусных позиций, предлагаемые респондентам для самоидентификации, лишь несколько различаются (табл. 1).

Табл. 1

Классовая самоидентификация россиян по данным двух исследований, %

<i>Варианты ответов</i>	<i>Мониторинг ВЦИОМ май, 1996 г.⁷</i>	<i>«Социальная справедливость» июнь, 1996 г.⁸</i>
Низший класс	13	12,8
Рабочий класс	38	29,7
Нижняя часть среднего класса	-	14,6
Средний класс	40*	25,1
Верхняя часть среднего класса	-	2,9
Высший класс	1	0,7
Ни к одному	-	1,6
Не признает такого подхода	-	3,5
Затруднились ответить	8	9

*В мониторинге отсутствовали позиции «нижняя» и «верхняя» части среднего класса.

О чем говорят эти цифры?

Если сложить доли «голосов», отданных позиции «нижняя часть среднего класса», «средний класс» и «верхняя часть среднего класса» одного исследования, то получится 42,6%, что вполне сравнимо с данными другого исследования (40%).

Наиболее заметное различие в столбцах касается доли респондентов, идентифицирующих себя с рабочим классом. Это происходит из-за того, что в опроснике исследования ВЦИОМ «Социальная справедливость» присутствуют позиции, дающие респонденту больше свободы при выборе. Вероятно, именно незначительная часть (около 3%) «рабочих», участвовавших в мониторинге, отнесли себя к одному из слоев среднего класса, и еще часть (около 5%) — не признают такого «классового» подхода (то есть либо отказались отнести себя к какому-либо слою, либо прямо заявили о неприятии данного деления людей).

Из исследований ВЦИОМ, проведенных за последние годы, известно, что самоидентификация представителей рабочего класса характеризуется двумя особенностями. Во-первых, по различным социальным параметрам по шкале «с названиями» он оказывается «более средним», чем средний класс, хотя занимает позицию несколько ниже среднего класса. Во-вторых, в использованной в упомянутом исследовании системе стратификации принципиальным является разделение, с одной стороны, между низшим и рабочим классами, а с другой стороны, между средним и высшим классами. В этом плане различия между средним и рабочим классами можно признать несущественными и свести данную структуру к трем классам: низшему, среднему и высшему.

Около 14% россиян сообщили, что они не признают подход, описываемый в категориях «низший-высший» (в данной статье мы не обсуждаем проблему «навязывания» респондентам идейных схем исследователя — «количественника»). Эти данные свидетельствуют о том, что население России не просто готово принять систему стратификации современного общества, строящуюся по логике «низшее — высшее», но что можно было бы говорить о наличии «нормального» среднего класса, охватывающего, по самооценкам, почти половину россиян.

Как уже отмечалось, образуемые виртуальные страты на первых порах обычно носят негативный характер. Это означает, что идентификация определяется либо неудовлетворенностью своим положением вследствие относительной депривации; либо методом от противного, когда индивид в первую очередь рассматривает, к каким слоям он *не* относится.

Примером депривированной страты является слой «*субъективно бедных*», выделенный на основе отношения среднедушевого дохода в семье к минимальным притязаниям, выраженным в денежной форме («порог бедности»)

В исследовании «Осень-97», проведенном в октябре 1997 г сектором социологического мониторинга администрации Пермской области (объем выборки — 1523 чел), минимальные притязания рассматривались как ответы на вопрос: «Какой сегодня должен быть среднемесячный денежный доход в расчете на одного человека в Вашей семье, ниже которого Вашу семью можно считать бедной?».

Результаты опроса показали, что у 53,9% жителей Пермской области доходы ниже минимальных притязаний, а 46,1% опрошенных имеют доход выше минимальных притязаний (табл 2).

Табл. 2

«Субъективная бедность» в социально-трудовых группах

	Доля группы от числа опрошенных, %*	Среднее значение по группе среднедушевого дохода, тыс. руб.	Среднее значение по группе «порога бедности», тыс руб.	коэффициент К1 **
Работающие по найму***	51,7	473,91	425,89	1,112
Собственники	1,6	907,50	774,74	1,171
Безработные, временно не работающие	10,6	305,99	343,95	0,890
Пенсионеры и инвалиды	30,3	349,44	367,32	0,951
Домохозяйки	2,6	366,44	396,25	0,924
Учащиеся	2,3	488,89	459,09	1,064

* Сумма по столбцу менее 100%, так как здесь не учтена доля затруднившихся определить свой социально-трудовой статус.

** Коэффициент К1 представляет собой отношение среднего значения среднедушевого дохода к среднему значению «порога бедности».

*** Включая работающих пенсионеров (3,6% от общего числа опрошенных) и работающих инвалидов (0,2%).

Таким образом, можно говорить об иерархии двух слоев: «субъективно бедных» (нижняя позиция) и «обеспеченных» (верхняя позиция) «Субъективно бедные» могут встречаться в различных социальных группах.

Традиционализация российского общества проявляется также в отношении населения к некоторым социальным слоям. Это хорошо продемонстрировано при обсуждении тех, кто, по мнению респондентов, получает несправедливо высокие доходы. Чаще всего опрошенные указывали на «новых русских» — этот слой был упомянут в 48,1% случаев.

Далее упоминались:

- директора крупных предприятий (43,2%);
- работники органов власти (39,8%),

- банкиры (34,7%),
- предприниматели (21 %),
- представители шоу-бизнеса (14,5%),
- директора мелких и средних предприятий (11,1%);
- работники некоторых отраслей (8,6%)»
- директора сельскохозяйственных предприятий (5,2%),
- деятели культуры, искусства, кино (1,4%);
- журналисты (1,2%),
- ученые (0,9%);
- другие (4,1%).

Что можно сказать об этом?

С одной стороны, признается высокое положение некоторых слоев по объективным показателям (доходы, власть), а с другой — эти слои получают низкую моральную оценку: считается, что их высокие положения ими не заслужено, оно занято несправедливо. В данном случае в первую очередь речь идет о «новых русских», директорах крупных предприятий и работниках органов власти.

Как уже отмечалось, виртуальные страты скоротечны и быстро распадаются. Точнее, обладают устойчивостью разной степени.

Интересно, что эта способность проявляется, в частности, в отношении к некоторым аспектам *«открытого» общества*. Результаты уже упомянутых опросов показывают следующее.

- В общекультурных вопросах россияне готовы идентифицировать себя с мировым сообществом (например, по данным уже упомянутого опроса ВЦИОМ, 77,2% россиян считают, что в вопросах загрязнения окружающей среды Россия должна подчиняться решениям международных организаций» усиление интереса к изучению иностранных языков приветствуют 80,2% респондентов)

- При оценке экономических взаимоотношений с мировым сообществом число приверженцев «открытости» резко сокращается: 60,1% опрошенных считает, что ввоз зарубежных товаров надо ограничить.

- Еще более «замкнутую» позицию опрошенные проявляют по отношению к иммигрантам (38,1% респондентов считают, что количество приезжающих на постоянное место жительства должно быть уменьшено (за увеличение — только 5,5%), мотивируя это тем, что за счет приезжих якобы растет преступность (такую точку зрения разделяют 53,2% опрошенных) и что они отбирают у местных рабочие места (45,1%).

Выводы

В системе виртуальной стратификации формируются два основных социальных слоя: выигравших и проигравших вследствие модернизации (выигрыш или проигрыш определяется самим респондентом) Соответственно им и составляются верхняя и нижняя страты. В данном случае определяющей компо-

нентой статуса является не набор объективных показателей (количество денег), а отнесение себя к определенному классу, то есть приверженность к модернистским или традиционалистским ценностям. Модернисты занимают более высокие позиции.

Четко оформившимися являются страты, которые *отторгаются* большей частью российского общества. Это объясняется тем, что данный этап является первоначальным в формировании новой системы социальной стратификации.

Результаты исследования также показывают, что «простой народ» производит двойное отгораживание от чужих: среди верхних слоев обструкции подвергаются «новые русские», директора крупных предприятий и работники органов власти; среди нижних слоев — иммигранты.

Таким образом, подтверждается тезис о традиционализации системы стратификации российского общества: *влияние моральной оценки совокупности социальных статусов усиливается*, тем самым последние изымаются из вертикальной структуры общества. Вместо этого усиливается растущее значение идентификации по линии «свой-чужие».

Очевидно, в России традиционное и современное общества будут сосуществовать еще долгие годы. Их интеграция станет возможной за счет традиционализации модернизации — всеобщего признания как традиционалистских, так и модернистских ценностей. Со временем, вероятно, обладание большим богатством или властью станет морально одобряемым, а принадлежность к другим слоям все реже будет определяться методом «от противного».

Примечания:

1 *Поппер К.* Открытое общество и его враги. - М., 1992.

2 *Бляхер Л.Е.* Человек в зеркале хаоса. -Хабаровск: ХГТУ,1997.

3 Там же с. 46.

4 *Гудков Л.Д.* Русский нео!традиционализм//Экономич. и социальные перемены. Мониторинг общественного мнения, 1997, № 2.

5 *Бляхер Л.Е.* Указ. соч., с. 59.

6 *Громова Р.* Положение в обществе и принадлежность к социальному слою: факторы самоидентификации// Эконом, и соц. перемены..., 1997, № 4.

7 Цитируется по: Громова Р. Указ. соч., с. 30.

8 Данные предоставлены Л. А. Хахулиной.